
РГДБ
2017
ЧУДЕСНЫЙ
ДОКТОР
По одноимённому рассказу
А. И. Куприна

Рисунки Б. Винокурова
Редактор Л. Гуревич
Художественный редактор А. Морозов

Производство студии „Диафильм"
1954 г.

Двое мальчуганов, приплясывая от жестокой стужи, более пяти минут уже торчали перед огромным окном гастрономического магазина.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросёнок-то... Смеётся... Да-а. Смотри, смотри... травка во рту! Вот штука-то! — И мальчики принялись неудержимо хохотать.

Старший мальчик, десятилетний Гриша, первый оторвался от очаровательного зрелища. Он произнёс сурово: „Ну, Володя, идём. Нечего тут...“

Мальчуганы торопливо пошли по улице. Иногда сквозь окна какого-нибудь дома они видели ёлку, иногда слышали звуки весёлой польки.

Повсюду чувствовалось праздничное оживление: весёлый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам...

Но по мере того как шли мальчики, всё малолюднее и темнее становились улицы. Потянулись пустыри, кривые переулки, мрачные косогоры.

Наконец мальчики достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком.

Они спустились вниз, в подвал, и вошли в комнату. В углу на постели лежала девочка лет семи, её лицо горело, глаза смотрели пристально и бесцельно.

В люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлёбываясь, грудной ребёнок.

Высокая, худая женщина с измождённым лицом стояла на коленях около больной, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем колыбель.

— Ну? Что же? — спросила женщина отрывисто и нетерпеливо. — Отнесли вы письмо? — Мальчики молчали.

— Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?
— Отдал. А он нас обругал.
— Да кто же это? Кто с вами разговаривал?
— Швейцар разговаривал... Кто же ещё?

— Я ему сказал, как ты учила: „Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду“...

...А он говорит: „Как же, держи карман... Есть у барина время ваши письма читать. Убирайтесь отсюда к чёрту!“ Володьку даже по затылку ударил.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Мать и оба мальчика, побледнев от напряжённого ожидания, обернулись в эту сторону.

Вошёл Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней шляпе и без галош. Он не сказал жене ни одного слова. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный год несчастье за несчастьем сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, то узнал, что его место управляющего домом занято уже другим. Началась отчаянная погоня за работой, залог и перезалог вещей, продажа хозяйственного тряпья. А тут ещё пошли болеть дети. Одна девочка умерла, другая лежит в жару и без сознания.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, клянча и унижаясь.

Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, у которой она подённо стирала бельё. Но все отговаривались неимением денег.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся. — „Пойду ещё... Хоть милостыню попробую просить“.

Выйдя на улицу, он пошёл бесцельно вперёд. Им овладело неудержимое желание бежать куда попало, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже пробовал два раза. Но в первый раз господин в енотовой шубе прочёл ему наставление, что надо работать, а не клянчить.

А во второй раз его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в общественном саду. Тут было тихо и торжественно. В истерзанной душе Мерцалова пробудилась нестерпимая жажда спокойствия.

Мерцалов опустился на скамейку. Просунув руку под жилет, он нащупал верёвку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове.

В это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчётливо раздавшийся в морозном воздухе. По дорожке шёл старик небольшого роста, в меховом пальто.

Поровнявшись со скамейкой, незнакомец спросил:
— Вы позволите здесь присесть? — Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки.

Минут пять прошло в обоюдном молчании.

— Ночка-то какая славная, — заговорил вдруг незнакомец. — Морозно... тихо. Что за прелесть — русская зима! — Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. — А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил. Да по дороге сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалова охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам!.. А я... а у меня, милостивый государь, мои ребятишки с голоду подыхают... А у жены молоко пропало, и грудной ребёнок целый день не ел... Подарочки!..

Старик приблизил к нему своё лицо и сказал дружелюбно, но серьёзным тоном: „Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне всё по порядку и как можно короче“.

И Мерцалов, страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Вдруг старик быстрым, совсем юношеским движением вскочил с места: „Едемте! Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом“.

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Мать лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в подушки.

Мальчики хлебали холодный пустой борщ и плакали, размазывая слёзы по лицу грязными кулаками.

Доктор скинул с себя пальто и остался в старомодном, довольно поношенном сюртуке. — „Ну, полно, полно, голубушка, — заговорил он, ласково погладив Мерцалову по спине. — Покажите мне вашу больную".

Через две минуты Гришка уже растапливал печку, Володя раздувал изо всех сил самовар, мать обворачивала Машутку согревающим компрессом.

Мерцалов на деньги, полученные от доктора, купил чаю, сахару, булок, достал в трактире горячей пищи.

Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, которую он вырвал из записной книжки. Окончив, он изобразил внизу какой-то крючок вместо подписи.

Прикрыв написанное чайным блюдечком, он сказал:
—Вот с этой бумажкой вы пойдёте в аптеку...давайте через два часа по чайной ложке...

...Затем прощайте, господа! Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнёсся к вам, чем этот, а главное — не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцаловым, всё ещё не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор вышел.

Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся за ним: „Доктор! Доктор, постойте! Скажите мне ваше имя! Мои дети будут за вас молиться!“

В другом конце коридора спокойный старческий голос произнёс: „Э! Вот ещё пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!“

Когда Мерцалов возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов.

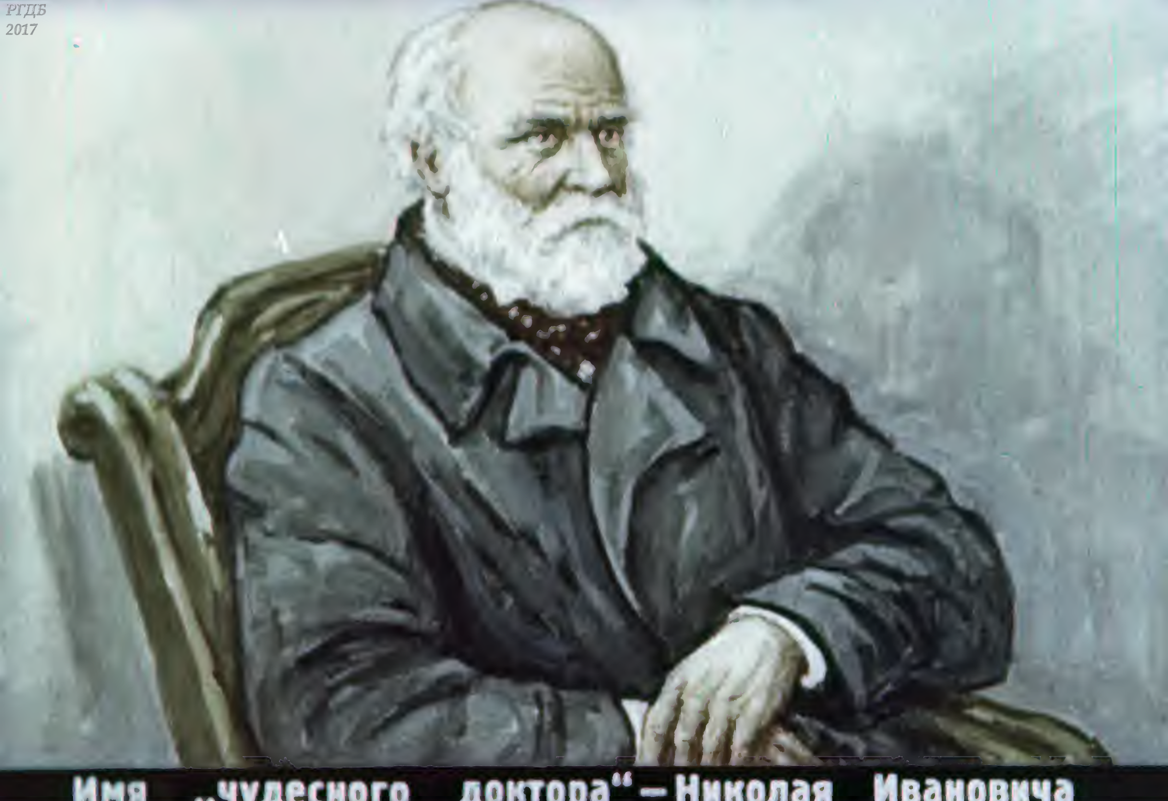
В тот же вечер он узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке чёткою рукою аптекаря было написано: „По рецепту профессора Пирогова“.

С тех пор в семье Мерцаловых всё переменилось. Отец вскоре отыскал место, мать встала на ноги, мальчиков удалось пристроить в гимназию на казённый счёт.

„Всё описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад...“ — пишет автор в своём вступлении к рассказу.

Рассказ был напечатан впервые в 1897 г. Описанные события относятся к середине прошлого века.

Имя „чудесного доктора“ — Николая Ивановича Пирогова знакомо и дорого всем советским людям.

Конец диафильма

Д-277-54

Студия „Диафильм“
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7